

Литературный
журнал

НЕВА

Олжас Омарович Сулейменов родился в 1936 году в Алма-Ате, Республика Казахстан — поэт, писатель-литературовед, народный писатель (1990), общественно-политический деятель Республики Казахстан, дипломат.

ЧЕМ ПОРАДОВАТЬ СЕРДЦЕ?

История наша — несколько всплесков в ночной степи. У костров ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной, обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку. ...Я молчу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи. Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох? Я стою у памятника Пушкину. Ночь новогодняя, с поземкой. Я сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как погибли мои города.

...Сырдарья погоняет ленивые желтые волны.
Белый город Отрар, где высокие стены твои?
Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
Перекрыты каналы. Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
Люди ели погибших и пили их теплую кровь.
Счет осадных ночей майским утром прервала измена,
И наполнился трупами длинный извилистый ров.
Только женщин щадили, великих, измученных, гордых,
Их валяли в кровавой грязи возле трупов детей,
И они, извиваясь, вонзали в монгольские горла
Иступленные жала изогнутых тонких ножей.
Книги! Книги горели! Тяжелые первые книги!
По которым потом затоскует спаленный Восток!
Не по ним раздавались протяжные женские крики,
В обожженных корнях затаился горбатый росток.
Пересохли бассейны. Дома залегли под золою.
Можно долго еще вспоминать о сожженных степях.
Только сердце не хочет, оно помешает мне, злое!
Чем тебя успокоить? Порадовать, сердце, тебя?.. Чем?
Рыжий, кем бы я был, родись я немного раньше?
Юра, кем бы я стал десять пыльных столетий назад?
...Кровь, пожарище. Ур-р!

Я б доспехами был разукрашен,
И в бою наливались бы кровью мои глаза.
Я бы шел впереди разношерстных чингизских туменов,
Я бы пел на развалинах дикие песни свои
И, клянусь, в тот же век, уличенный в высокой измене,
Под кривыми мечами батыров коснулся б земли.
На дороге глухой без молитвы меня б схоронили,
И копыта туменов прошли бы по мне на Москву,
И батыры седые отвагу б мою бранили,
И, поставив тот камень, пустили б стихи на раскур.
Простоял бы столетья источенный взглядами камень,
Просвистели б нагайками добрые песни мои,
Оседали бы горы, и горы бы стали песками,
А вот Пушкин стоит.
О, казахи мои!.. Степь не любила высоких гор,
Плоская степь не любила торчащих деревьев.
Я на десять столетий вперед вам бросаю укор,
О, казахи мои, молодые и древние!..

Степь тянула к себе
Так, что ноги под тяжестью гнулись,
Так, что скулы — углами, и сжатое сердце лютей,
И глаза раздавила, чтоб щелки хитро улыбнулись.
Степь терпеть не могла ясноликих высоких людей.
Кто не сдался, тому торопливо ломала хребет,
И высокие камни валила тому на могилу,
И гордилась высоким, и снова ласкала ребят.
Невысоких — растила, высоким — из зависти мстила.
Даже кони приземисты, даже волосы дыбом не встанут,
Даже ханы боялись высокие стены лепить.
И курганы пологи, и реки мелки в Казахстане.
А поземка московская словно в тургайской степи.

Я стою у могилы высокого древнего парня,
Внука Африки, сына голубоглазой женщины.
Собутыльник Парижа и брат раскаленной Испании,
Он над степью московской стоит, словно корень женьшеня.
Я бывал и таким, я бываю индийским дагором!
...Так я буду стоять, пряча руки, у братских могил...
Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!
...Так я буду стоять, пряча зубы, у братских могил...

Я согласен быть Буддой, Сэссю и язычником Савлом!
Так я буду молчать у подножия братских могил...
Я согласен быть черепом, кто-то согласен быть саблей...

Так мы будем стоять! Мы, высокие, будем стоять!
Попроси меня нежно — спую. Заруби — я замолкну.
Посмотри наконец, степь проклятая, но моя —
Все вершины в камнях и в окурках, в ожогах от молний.

МОЛИТВА БАТЫРА МАХАМБЕТА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Бисмилля!
Я в далеких походах забуду себя.
Я в битвах — по году.
В обидах — по горло,
Я родился в седле,
Умираю в цепях,
Меня водят пешком, как собаку, по городу.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
Я забуду в зиндане гортанные кличи,
Утром тело разрубят и бросят в огонь,
Мое темя забудет бывшее величье.

Я забуду, как жены боялись меня,
Я как меч обнаженный,
Но ржа меня режет.
Сердце в горле, как яростная змея.
Э, не так!
Мое сердце — ошипанный кречет.
Все забуду.
Молитвы — спасенье свое,
И пожары, и битвы, аллаха забуду...
Аруах!..
Ясный месяц в пустынях встает, —
И уходят в барханы
За самкой верблюды...

И в казахских казанах шипит молоко...
И собаки рвут шкуры друг другу от скуки.
Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,
А луна, как лепешка последняя, мне катится в руки.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ НА КРАЮ СВЕТА

5 апреля 1968 года

...На краю самого южного мыса Индустанского полуострова, мыса Канья Кумарин — белеет скромным мрамором гробница великого непротивленца Ганди. На его долю пришлось пять выстрелов. Пять кровавых пятен на белой рубашке, пять кровавых кругов. Может быть, они подсказали художникам символ мира, который мы видим на белых олимпийских знаменах...

...В спину Ганди стрелял индус, не то националист, не то фанатик. «Сволочь!» — просто охарактеризовал убийцу мой спутник Чаттерджи.

Г. Чаттерджи худ, выжжен зноем до кости. Силуэт его четко отпечатан на экране могильной стены.

В этот день в Америке свершилось насилие: убили негритянского гандиста Мартина Лютера Кинга. Индия почтила его память минутой молчания. 500 миллионов минут молчания. Равно тысячелетию.

За каждым выстрелом «какой-то сволочи» — века молчания.

О чем думал Чаттерджи в свою минуту.

...Мыс Кумарин отбывает закат,
масса красотостей — пальмы и тодди —
в кубке, отделанном под агат.
Тонкая штопка на бязевом дхоти.
Черные пятки — в твердый песок,
жилы на икрах сухих обозначив,
пьет, проливая пальмовый сок.
Я поднимаю глаза — он плачет.
Дышит, пульсирует впалый висок.

«Смотрит на Азию Белый Глаз!
Небо чужое сглазило Азию,
черная мать с каждой оказией
беды свои досылает до нас.
Азия — схема, стереотип:
голода схима, холера, тиф.
Неразрешимый живот аллегорий,
прошлое в каждой строке — редиф.
Смотрит на нас Белый Глаз
кровью прожилок — границами каст,

неприкасаемая свобода,
сгорбясь, уходит в дебри фраз...»

Крашены солнцем заката двери
грустной гробницы,
лица, слова,
громадной далью валит на берег
неприкасаемая синева.

II

В азиях я говорил с тобой,
Глаз Голубой:
в европах встречаются с Карим
и с Черным Глазом —
они меня на площадях искали,
в глуши библиотек,
они мне щедро подвиги сулили
во имя Азии,
страницами мне в душу
боли лили,
и в мысли влазили
Конфуций
и ацтек.
Не лучше ли, отринув имена,
уйти в орнамент безначальных знаков?
Пить сладкое, не обижая дна,
любить шенгель, не предавая маков?
Найтием воспринимая мир,
цвета вещей не утруждая смыслом,
из чистых звуков сотворив кумир,
смеяться — песнями и плакать — свистом?
Но хлыст и выстрел отвечали — нет!
Звук обнажает скрытые смятенья:
и боль, и злоба —
каждое явление
имели цвет.
Не разобраться в них —
цвета кишки!
Грудь открывая, обнажая шею,
иди, пока не поздно, к простоте,
увериться в неясной правоте
тех, кто уже не хочет ни отмщенья

и ни сочувствия к своей судьбе.
Вступаешь в свет, становишься мишенью,
и — поразительно легко тебе.
Из тьмы огней глядит, прищурясь, мрак,
отсвечивая оптикой прицела.
И свет воспринимается как целое.
Делимое наотмашь — ты и враг.

III

Есть они, Чаттерджи, в каждой стране,
в каждой волости —
сволочи.
Их не узнать по разрезу глаз,
по оттенку кожи:
может сиять, как якутский алмаз,
быть на уголь похожим,
плешью блистать вползала,
прямить и курчавить волос.
Все равно — сволочь.

Он не дурак, а может быть — академик,
он служит вере не славы ради, не из-за денег.
Бывает, носит под мышкой томики Ленина.
Сволочь — не мелочь —
общественное явление.
Узнать их непросто: их цвет отличительный — серость.
Она растворяется в черном,
как в белом и в желтом,
возносится серость бронзой,
блистает золотом,
в темных углах души собирается серость, как сырость.
Белый стреляет в черного? — Серый стреляет.
Черный стреляет в белого? — Серый стреляет.
Серый взгляд проникает в сердце — пронзительный, волчий.
Узнаю вас по взгляду,
серая раса — сволочи.
Понимаю, пока в этом самом цветном столетье
невозможны без вас даже маленькие трагедии.

Невозможны без вас ни заботы мои, ни смех,
и победы мои, и смерть.
Вам обязан — атакой!

В свете полдня
и в холоде полночи
я ищу, я иду вам навстречу,
серые сволочи —
сквозь мгновенья ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минута молчанья
стала временем ваших прозрений.
...Синева потемнела. Гробница великого Ганди
белым куполом обозначила Азии край.
Багровым оком встала луна и на мокрые камни
положила сиянье, и в пальмах возник птичий грай.